

Постдеконструктивный синтез и растительная феноменология Майкла Мардера

© В.Г. Косыхин¹, С.М. Малкина¹, М.А. Богатов¹, И.Д. Невважай²

¹Саратовский национальный исследовательский университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, 410012, Россия

²Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 410056, Россия

Переосмысление творческого наследия Ж. Деррида, А. Бадью и Б. Латура привело в первые десятилетия XXI в. к созданию новых онтологических теорий, проникнутых духом метамодернистского неореализма. Параллельно с усилиями Г. Хармана по созданию объектно-ориентированной онтологии М. Мардер, продолжая и трансформируя традицию феноменологии и деконструктивизма, создает новую натуралистическую феноменологию растительного мира с использованием ресурсов деконструкции и новейших исследований в области биологических и когнитивных наук. Исследование растительной феноменологии Мардера актуально как для современной онтологии и теории познания, так и для историко-философского осмысления истоков процессов, происходящих в современной философии. Выявлены философские онтологические (постдеконструктивный синтез) и историко-философские (феноменология) основания позиции Мардера. Постдеконструктивный синтез трансформирует свойственную традиционной деконструкции критику любого тотализирующего синтетического мышления в метамодернистский синтез части и целого, позволяющий взглянуть на устройство реальности за пределами конгломерации субъектов и объектов. Сделан вывод о том, что, ставя вопрос о возможности натуралистического расширения границ представлений о реальности, Мардер делает попытку применения инструментария феноменологии к исследованию растительного интеллекта и предлагает новый проект феноменологии растительного мира, понимаемого по аналогии с жизненным миром в философии позднего Гуссерля. Это позволяет изучать возможности феноменологического анализа проблем современной биологии и когнитивных наук.

Ключевые слова: метамодернизм, феноменология, Эдмунд Гуссерль, Майкл Мардер, постдеконструктивный синтез, растительный интеллект

Движение в сторону нового реализма, характерное для онтологических поисков начала XXI в., когда наследие А. Бадью и Б. Латура получило новый импульс идейного преломления в спекулятивном реализме Г. Хармана и К. Мейясу, находит параллели в творчестве Майкла Мардера, продолжающего традицию феноменологии и деконструктивизма в современной философии.

Многочисленные работы Мардера, среди которых выделяют прежде всего такие книги, как «Мышление растений: Философия

вегетативной жизни» [1] и «Растения философов (Интеллектуальный гербарий)» [2], посвящены раскрытию новых возможностей мышления, которые предоставляются обращением к феноменологии растительного мира с использованием ресурсов деконструкции и новейших исследований в областях биологических и когнитивных наук.

Мардер пытается переосмыслить гуссерлевский лозунг «К самим вещам!», который вполне в духе метамодернизма сочетается (как и в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана) с кантовской вещью в себе [3, с. 53]. Однако сама вещь здесь понимается в деконструктивистской или, вернее, в постдеконструктивистской перспективе, в духе вопроса Деррида: «А что скрывается внутри вещи?»

Различие качеств внутри самой вещи позволяет ставить еще один вопрос — о событии отсвоения, которое является своеобразной реконfigurацией хайдеггеровского события. Мардера интересует возможность мыслить событие внутри самой вещи. Он предлагает обратиться к переосмыслению платоновской хоры у Деррида как «места без места», где «различие между фантазмом и так называемой актуальной или внешней реальностью еще не произошло и не может произойти» [4, р. 108]. Хора позволяет отметить возможность существования некоего пространства внутри вещи. Эта возможность — всегда то, чего еще не произошло, она стирает грань между внутренним и внешним. Данная квазиноминальная интериоризация вещи, сохраняющая ее экстериоризацию, позволяет сделать вывод о принципиальной неполноте возникающих феноменов.

Деконструкция истолковывает событие не в хайдеггеровском духе, а вписывая различие в пространство самой вещи. Неприсваиваемость вещи десубъективизирует Событие (Ereignis), вносит в него некий отрицательный момент, напоминающий новый виток гуссерлевской критики психологизма, но направленный уже на критику субъективистских истоков хайдеггеровского События. Мардер полагает, что деконструктивистское «различение» может обладать скрытыми ресурсами для последующего синтетического мышления: «То, что я называю “постдеконструктивным синтезом”, вовсе не имеет целью обесценить усилия Деррида по критике фигуры синтеза или потенциальную тотализирующую деятельность мышления. В одном смысле он означает “со-бытие” или со-расположенность “целого” и “части”, позволяя последней быть открытой к взаимодействию с целым и сохранять свою сингулярность. В другом смысле “постдеконструктивный синтез” позволяет взглянуть на устройство вещи за пределами конгломерации субъектов и объектов» [5, р. 56].

В этом контексте онтологический вопрос о том, что есть (ti esti), является неполным, односторонним и вторичным, поскольку ему всегда будет предшествовать различие между являющимся (что)

и тем, кому оно является (кто). Именно внутри этого двойственного пространства с точки зрения деконструкции следует говорить о вещи. Так, анализируя стихотворение Френсиса Понжа из «Записок соснового леса», Жак Деррида обратил внимание на то, что лес, о котором идет речь, никогда не является лесом самим по себе хотя бы потому, что о нем идет речь и есть тот, кто эту речь ведет, вкладывая в нее свое чувство и отношение к увиденному. В случае леса, который был отмечен Понжем, таким лицом является сам Понж. Но учитывая, что об этом пишет Деррида, лес, явившийся Понжу, становится для того, кто это читает, лесом Понжа, что позволяет продолжать деконструкцию посредством удвоения наблюдающего [6, р. 6].

Деррида пишет о постдеконструктивном реализме, пересматривающем отношение «вещи» и «реальности», об «абсолютном реализме, не сводимом ни к одной из предшествующих форм реализма» [5, р. 56], это реализм деконструктивистской трактовки события, постоянно ускользающий от тяготеющих к стабильности и завершенности вещей, которые рассматриваются в онтометафизическом дискурсе.

Предлагаемый постдеконструктивным реализмом пересмотр отношения вещей и реальности позволяет Мардеру, вслед за Понжем и Деррида, обратиться к онтологии растительного мира, чтобы вновь поставить вопрос об основаниях и границах собственного понимания реальности. В этом смысле он находит интересную поддержку в аристотелевских размышлениях о природе жизни. Как известно, Аристотель в своем трактате «О душе» рассматривает три вида души: растительную, животную и разумную [7, с. 399–401]. Только растительная душа с ее функциями питания и размножения является общей для животных (обладающих дополнительной функцией движения) и человека (добавляющего к растительной и животной функциям способность к мышлению). Мардер задается вполне правомерным вопросом: не следует ли именно растительную жизнь рассматривать как основу жизни вообще, разновидностями которой является жизнь животных и человека? И не коренится ли способность к мышлению уже в самих основаниях растительной жизни? Можно ли говорить, что растения умеют мыслить, и если да, то каким образом стоит понимать это мышление?

Традиция европейской метафизики в целом восприняла положение Аристотеля о том, что из трех видов одушевленности именно растительная является менее всего разумной, достигнув своей кульминации в гегелевской философии природы, согласно которой в растениях объективный организм и субъективность являются тождественными [8, с. 398]. С критикой подобных представлений в XIX в. выступили Дарвин и Ницше. Дарвин выдвинул гипотезу корня как особого мозга растения, способного к исследованию более богатой

питательными веществами почвы. Ницше предположил, что питание и рост растения являются проявлением воли-к-власти.

В противовес известному положению Иммануила Канта в «Критике способности суждения» о том, что человеческому разуму, опирающемуся на механические причины, невозможно объяснить рост даже одной травинки [9, с. 439], Майкл Мардер в работе 2012 г. «Растительная интенциональность и феноменологические рамки растительной разумности» делает попытку применения инструментария феноменологии к исследованию растительного разума. Это предполагает переосмысление значения пребывания на одном месте, понятий чувственности и внимания, того, каким образом растение ощущает разницу своих надземных и подземных частей, модульного развития для понимания разумности, коммуникации между растениями и между растением и его тканями [10, р. 1].

Представление о неподвижности растений в противовес способности животных к перемещению господствовало в метафизической традиции начиная с Аристотеля. Мардер обращает внимание, что Аристотель отмечает существование четырех видов движения (изменения), и перемещение является только одним из них. Другие три вида, а именно возникновение и уничтожение, рост и способность к качественному изменению состояний, вполне применимы к растительной форме жизни. «Очевидно, что неподвижность растений является всего лишь ошибкой восприятия, учитывая их горизонтальную и вертикальную экспансию над и под землей. Хотя кажется, что растения будто якорем прикреплены к одному месту, они непрерывно взаимодействуют со своим окружением, увеличивая поверхность, соприкасающуюся с солнечным светом, избегая роста в направлении корней соседних растений, следя за условиями окружающей среды и реагируя на их изменения» [10, р. 3].

Мардер отмечает, что последние открытия в области нейробиологии и растительного интеллекта расширяют представление о разуме и его границах. Это включает в себя рассмотрение как происходящих внутри растения информационных процессов, так и области взаимодействия растений с окружающей средой в контексте адаптационных процессов. Опираясь на работы Уорвика и Трюэваса [11, 12], которые считают, что разум растений проявляется в том, как они реагируют на вызовы окружающей среды с учетом клеточного и организменного уровней, Мардер полагает, что можно взглянуть на мир с точки зрения растений, расширив не только биологические, но и философские представления о жизни в целом и ее разновидностях. В частности, живые существа рассматриваются не только в качестве объекта исследования, но и в качестве субъекта. Соответственно, в данном контексте вполне уместно применение феноменологического подхода

как конститутивного в современном философском исследовании субъективности.

Здесь Мардер обращается к концепции жизненного мира Гуссерля [13, с. 174–184], которую, оказывается, вполне можно применить к области растительной жизни. В качестве «мира» для растений выступает окружающая среда. «Растительный разум содержит в себе, на самом базовом уровне, субъективное конституирование живого пространства и времени самими растениями» [10, р. 4]. Растения ориентируются в окружающей среде, реагируя даже на кратковременные изменения температуры, влажности и еще целого ряда параметров. Чувствительность растений к изменениям окружающей среды связана с восприятием идущих от нее биотических и абиотических сигналов, и в этом смысле растения различают их не хуже, а иногда и лучше животных.

Согласно Мардеру, растительное восприятие также может характеризоваться феноменологической интенциональностью, т. е. постоянной направленностью восприятия или внимания на объект, поскольку иначе невозможны реакции на внешние раздражители и выбор предпочтительного состояния (например, направление роста корней и т. п.). И если в гуссерлевской феноменологии разрыв между сферами интенциональности и внимательности остается существенным, то в мардеровской феноменологии растительного разума этот разрыв практически исчезает. Внимание растений обладает достаточной динамикой, чтобы реагировать на свет и звуки, а это позволяет сделать вывод об их умении различать, составляющем основополагающую характеристику любой разумности.

Отмечая, что ключевым для феноменологии является не «что», а «как» в представленности воспринимаемых феноменов, Мардер задается вопросом, каким образом мир может являться растениям? Растения воспринимают мир в пространственно-временном континууме, но мир при этом не предстает как состоящий из отдельных рассеянных объектов. Еще Бергсон рассматривал подобную разновидность восприятия, характеризуя ее как чистую длительность, противопоставляя интуитивно схватываемое нами внутреннее время времени вторичному, внешнему, дни, часы и минуты которого требуют механической репрезентации интеллектом. Реальность внешних дискретных объектов для феноменологии тоже является только вторичной, поскольку сами вещи с точки зрения их восприятия рассматриваются как находящиеся в сознании, которое уже затем производит их внешнюю объективацию. Растения не воспринимают свет и источник света зрительно, как находящиеся во внешнем для них мире, но они сохраняют в клетках память о свете, которая в некотором роде производится самим светом, «поскольку позволяет растениям

использовать энергию фотонов, накапливая ее в листьях, чтобы улучшить шансы на выживание всего растения в будущем» [10, р. 5].

При изучении пространственной части восприятия мира растениями Мардер обращает внимание на существование у них особой навигационной карты децентрализованной памяти, которая используется корнями для роста при преодолении препятствий в поисках более богатых минералами почв. Подобные карты децентрализованной памяти присутствуют и у насекомых, запоминающих проложенные маршруты. Таким образом, пространство не ощущается растениями в духе неразличимой тотальности, но предстает перед ними как сложная дифференцированная сеть участков и областей, обладающих в растительном восприятии разными качествами и характеристиками [10, р. 5].

Проблема субъектности растительного интеллекта затрагивает вопросы о том, представляет ли растение целостный организм с неким центром обработки информации, либо оно является чем-то наподобие конфедерации достаточно самостоятельных частей. Эта проблема имеет свои параллели в феноменологии, в частности, у Мориса Мерло-Понти, который для описания действия сознания в повседневной жизни использовал понятие дисперсированной интенциональности [14, р. 276]. Мардер полагает, что подобная характеристика интенциональности вполне применима к растительной жизни. Низшие растения образуют колонии, отличающиеся согласованностью действий, подобно пчелиному рою, тогда как высшие растения уже характеризуются более высокой дисперсированной интенциональностью, демонстрируя модульное развитие, адаптированное к процессам роста. «Каждый росток и корневой отросток обладают собственной траекторией интенциональности, соотносящейся с разнообразием распределения ресурсов в рамках асимметричной целостности» [10, р. 6].

Дисперсированная растительная интенциональность не имеет ничего общего с рассеянностью внимания, скорее, полагает Мардер, ее можно уподобить гипервнимательности каждого растительного модуля к процессам и обстоятельствам в окружающей его среде, что отражается в модульной организации памяти и процессов обработки информации растительным разумом. В этом плане не следует понимать растительную целостность, беря за образец гораздо более целостно интегрированный животный организм, поскольку подобный образец несовместим со свойственным высшим растениям модульным ростом.

Учитывая, что важным свойством интеллекта является его способность к осуществлению процесса коммуникации, закономерно возникает вопрос о наличии подобной способности в растительном интеллекте. Как уже было показано, растительный разум не оперирует с абстрактными понятиями, он более приземленно контекстуален.

Растения не заняты применением разума к преобразованию окружающей внешней реальности, адаптируясь вместо этого под процессы, происходящие в ней. Разумность растений проявляется не столько через четкое различение себя и другого, субъекта и объекта, сколько через конструирование особой интеллектуальной сферы, внутри границ которой субъект и объект выступают, если использовать гегелевскую терминологию, в снятом виде. И здесь коммуникация представляет собой скорее расшифровку внутренних посланий, когда информация о внешних абиотических процессах переводится на понятный клеткам растения биохимический язык, которым, употребляя знаменитое выражение Бернара Анженже, пользуется «разум клеток» [15].

Если верно аристотелевское предположение о том, что растительная душа присуща не только растениям, но и животным и людям, это означает, что и представление человека о мире содержит в снятом виде ряд черт, присущих растительному мировосприятию. Растения, как и животные и люди, представляют собой открытые системы, активно взаимодействующие с окружающей средой, с миром. И к их существованию вполне применимо феноменологическое понятие жизненного мира, который, по Гуссерлю, предшествует любым абстрактным научным представлениям о нем.

Разумеется, в рамках данной статьи авторы не ставили цель исчерпывающего разбора предложенного Майклом Мардером многомодульного философского проекта, весьма интересно вписывающегося в онтологические поиски метареалистической современности (например, не была рассмотрена его работа «Растения философов (Интеллектуальный гербарий)», в которой растительная феноменология погружена в мир сложных отношений философов и растений на протяжении истории философии), а сосредоточились на выявлении философских, онтологических (постдеконструктивный синтез) и историко-философских (феноменология) оснований его позиции.

Хотя сам термин «постдеконструктивный синтез» указывает на то, что Майкл Мардер предпочитает видеть себя в первую очередь внутри деконструктивистской традиции, развивая и переосмысляя ряд идей Жака Деррида и Жана-Люка Нанси, натуралистический характер его онтологии объединяет мардеровский проект со спекулятивным реализмом Грэма Хармана и Квентина Мейясу [16], помещая его в общую тенденцию реалистического разворота новых, по всей видимости, уже метамодернистских онтологий.

В отличие от деконструкции, опирающейся в первую очередь на анализ различий и даже различий между различиями, постдеконструктивный синтез ставит акцент на новом понятии модульных различительных единств, напоминающих скульптурные ассамбляжи Билла Вудроу и Тони Крэгга [17], в которых части и целое образуют достаточно сложные и условные единства. Подобные ассамбляжи

представляют собой сочетание («модульное единство») разнообразных объемных деталей на одной плоскости и напоминают выпуклые картины. Модульные различительные единства имеют прямые аналогии в растительном мире, это позволяет Мардеру делать вывод о базовом онтологическом характере структур растительной жизни, что сближает исследование Мардера с поздними размышлениями В.В. Библихина, например, представленными в таком его фундаментальном труде, как «Лес» [18].

Предлагая новое понимание соотношения части и целого, пост-деконструктивный синтез позволяет по-иному взглянуть на вопрос о бытии вещи, создавая добавочные измерения ее онтологического анализа, выводящие проблему за пределы субъект-объектной дихотомии. То, каким образом можно ставить онтологические проблемы вне фундаментального разделения себя и другого, Мардер исследует в проекте растительной феноменологии, которая весьма своеобразным и даже парадоксальным образом переосмысляет ряд идей, обсуждаемых в современной биологии и когнитивных науках, погружая их в философский контекст и демонстрируя плодотворность применения инструментария деконструкции и феноменологии к областям актуальных естественно-научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Marder M. *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. New York, Columbia University Press, 2013, 248 p.
- [2] Marder M. *The Philosopher's Plant: An Intellectual Herbarium*. New York, Columbia University Press, 2014, 288 p.
- [3] Харман Г. *Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь, Гиле Пресс, 2015, 152 с.
- [4] Derrida J. *H.C. for Life, That Is to Say...* Stanford, Stanford University Press, 2006, 200 p.
- [5] Marder M. *Différance of the Real*. Parrhesia, 4, April 2008, pp. 49–61.
- [6] Derrida J. *Signéponge/Signsponge*. New York, Columbia University Press, 1984, 160 p.
- [7] Аристотель. *Собрание сочинений в 4 т. Т. 1*. Москва, Мысль, 1976, с. 371–448.
- [8] Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы*. Москва, Мысль, 1975, 695 с.
- [9] Кант И. *Сочинения в шести томах*, Москва, Мысль, 1966, 564 с.
- [10] Marder M. Plant intentionality and the phenomenological framework of plant intelligence. *Plant Signaling & Behavior*, 2012, vol. 7, iss. 11, pp. 1–8.
- [11] Warwick K. *The quest for intelligence*. London, Judy Piatkus, 2001, 231 p.
- [12] Trewavas A. What is plant behaviour? *Plant Cell Environ*, 2009, vol. 32, no. 6, p. 60.
- [13] Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2004, 339 с.
- [14] Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. New York, London, Routledge, 2005, 544 p.

- [15] Сатпрем. *Разум клеток*. Санкт-Петербург, Мирра, 2011, 252 с.
[16] Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the making*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015, 248 p.
[17] Дёготь Е., сост. Тони Крэгг. *Тяжесть и нежность. Каталог выставки*. Москва, Центральный Дом художника, 2005, 128 с.
[18] Бибухин В.В. *Лес*. Санкт-Петербург, Наука, 2011, 425 с.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Косыхин В.Г., Малкина С.М., Богатов М.А., Невважай И.Д. Постдеконструктивный синтез и растительная феноменология Майкла Мардера. *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 6.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-6-878>

Косыхин Виталий Георгиевич — д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского. e-mail: kosyhinv@gmail.com

Малкина Светлана Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского. e-mail: malkinasm@gmail.com

Богатов Михаил Александрович — д-р филос. наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского. e-mail: m_bogatov@mail.ru

Невважай Игорь Дмитриевич — д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии Саратовской государственной юридической академии. e-mail: igornevv@gmail.com

Post-deconstructive synthesis and plant phenomenology of Michael Marder

© V.G. Kosykhin¹, S.M. Malkina¹, M.A. Bogatov¹, I.D. Nevvazhay²

¹Saratov State University, Saratov, 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, Saratov, 410056, Russia

Rethinking the creative heritage of J. Derrida, A. Badiou and B. Latour led to creation of new ontological theories imbued with the spirit of metamodern neorealism in the first decades of the XXI century. In parallel with the G. Harman's efforts to create the object-oriented ontology, M. Marder continues to transform the phenomenology and deconstruction tradition, and creates a new naturalistic phenomenology of the plant world using the deconstruction resources and the latest research in biological and cognitive sciences. Studying the Marder's plant phenomenology is relevant both in modern ontology and theory of knowledge, as well as in historical and philosophical understanding of the origins of processes occurring in the modern philosophy. The paper reveals philosophical ontological (post-deconstructive synthesis) and historical-philosophical (phenomenology) foundations of the Marder's position. Post-deconstructive synthesis transforms criticism of any totalizing synthetic thinking inherent in traditional deconstruction into a metamodern synthesis of part and whole making it possible to analyze the structure of reality beyond the subjects and objects conglomeration. It is concluded that Marder raises the question on the possible naturalistic expansion of the boundaries of ideas about reality, and attempts to apply the phenomenology tools to studying the plant intelligence. He proposes a new project in the plant world phenomenology to be understood by analogy with the life world in the philosophy of late Husserl. This allows exploring possibilities of the phenomenological analysis of the problems in modern biology and cognitive sciences.

Keywords: metamodernism, phenomenology, Edmund Husserl, Michael Marder, post-deconstructive synthesis, plant intelligence

REFERENCES

- [1] Marder M. *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. New York, Columbia University Press, 2013, 248 p.
- [2] Marder M. *The Philosopher's Plant: An Intellectual Herbarium*. New York, Columbia University Press, 2014, 288 p.
- [3] Harman Gr. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Open Court Publishing, 2002 [In Russ.: Kharman G. Chetveroyakiy obyekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera. Perm, HylePress Publ., 2015, 152 p.].
- [4] Derrida J. *H.C. for Life, That Is to Say...* Stanford, Stanford University Press, 2006, 200 p.
- [5] Marder M. *Différance of the Real*. Parrhesia, 4, April 2008, pp. 49–61.
- [6] Derrida J. *Signéponge/Signsponge*. New York, Columbia University Press, 1984, 160 p.
- [7] Aristotle. *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 1* [Collected works in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1976, pp. 371–448.
- [8] Hegel G.W.F. *Encyclopaedia of Philosophical Sciences. Vol. 2. Philosophy of nature*, 1827 [In Russ.: Gegel G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 2. Filosofiya prirody. Moscow, Mysl Publ., 1975, 695 p.].

- [9] Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh* [Collection of works in six volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1966, 564 p.
- [10] Marder M. Plant intentionality and the phenomenological framework of plant intelligence. *Plant Signaling & Behavior*, 2012, vol. 7, iss. 11, pp. 1–8.
- [11] Warwick K. *The quest for intelligence*. London, Judy Piatkus, 2001, 231 p.
- [12] Trewavas A. What is plant behaviour? *Plant Cell Environ*, 2009, vol. 32, no. 6, p. 60.
- [13] Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. Martinus Nijhoff Publishers, 1954 [In Russ.: Gusserl E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsedentalnaya fenomenologiya. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2004, 339 p.].
- [14] Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. New York, London, Routledge, 2005, 544 p.
- [15] Satprem. *The Mind of the Cells*. Mira Aditi, 1981 [In Russ.: Satprem. Razum kletok. Saint Petersburg, Mirra Publ., 2011, 252 p.].
- [16] Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the making*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015, 248 p.
- [17] Dyogot E., comp. *Tony Cragg. Tyazhest i nezhnost. Katalog vystavki* [Tony Cragg. Heaviness and tenderness. Exhibition catalogue]. Moscow, Tsentralnyi Dom Khudozhnika Publ., 2005, 128 p.
- [18] Bibikhin V.V. *Les* [Forest]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011, 425 p.

Kosykhin V.G., Dr. Sc. (Philos.), Head of the Department of Philosophy and Methodology of Sciences, Saratov State University. e-mail: kosyhinvg@gmail.com

Malkina S.M., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University. e-mail: malkinasm@gmail.com

Bogatov M.A., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University. e-mail: m_bogatov@mail.ru

Nevvzhay I.D., Dr. Sc. (Philos.), Head of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy. e-mail: igornevv@gmail.com